

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9.01

Г. С. Прыгин

Кризис психологии как составная часть культурного кризиса науки

На примере категории сознания рассматривается кризис психологической науки как части западной культуры и западной цивилизации. Показано, что те или иные концепции сознания, являясь порождением культуры, вовсе не обязательно должны приниматься соответствующей ей цивилизацией. Принимаются лишь такие концепции, которые имеют прагматическую (утилитарную) ценность и не представляют угрозу существованию или развитию самой цивилизации. Это связано с тем, что изначально любая наука проявляется как духовное стремление к познанию, как акт культуры, однако именно цивилизация затем разрушает науку, ориентируя ее на прагматизм и превращая ее открытия в утилитарные продукты. Статус-кво науки вообще и психологии в том числе обусловлены, в частности, тем, что современное знание лишено целостного мировоззрения и ценится лишь по своей технической пригодности. Утверждается, что преодоление кризиса психологии возможно при условии пересмотра ее методологических основ, и главным образом, при кардинальной смене ее основной парадигмы и предмета. К обсуждению предлагаются новые психологические категории и задачи, возникающие при смене основной парадигмальной установки. В завершении статьи вводится новое понятие «Общая метапсихология».

Ключевые слова: культура, цивилизация, кризис науки, сознание, субъективная реальность, предмет психологии, общая метапсихология.

PSYCHOLOGY

G. S. Prygin

Crisis of Psychology as a Composite Part of the Cultural Crisis of Science

In the article on the example of the category of consciousness here is considered a crisis of psychology as a part of Western culture and Western civilization. It is shown that these or other concepts of consciousness, being a product of culture, do not necessarily have to be accepted by the corresponding civilization. Only such concepts are accepted that have pragmatic (utilitarian) value and do not pose a threat to the existence or development of civilization itself. This is due to the fact that initially any science manifests itself as a spiritual aspiration to cognition, as an act of culture, but it is civilization that then destroys science, orienting it toward pragmatism and turning its discoveries into utilitarian products. The status quo of science in general and psychology in particular is due, inter alia, to the fact that modern knowledge is deprived of an integral worldview and is valued only by its technical suitability. It is argued that overcoming the crisis of psychology is possible, in case of revising of its methodological foundations, and mainly, with a radical change in its basic paradigm and subject. New psychological categories and tasks arising from the change of the basic paradigm setting are proposed for discussion. At the end of the article, a new concept is introduced, «General Metapsychology».

Keywords: culture, civilization, the crisis of science, consciousness, subjective reality, the subject of psychology, General Metapsychology.

Сказать, что о методологическом кризисе в психологии написано много, значит, не сказать ничего. Пожалуй, сколько существует кризис (с того момента, как он начал осознаваться научной психологической общественностью), столько же существуют и работы, анализирующие его причины и предлагающие выходы из него. Можно даже заметить определенную тенденцию – количество таких критических работ за период со второй половины XX в. по настоящее время увеличивается подобно «снежному кому». Более того, нам кажется, что все

большее число психологов, даже если они сами не поддались искушению этого «эпистолярного жанра», в душе все же понимают необходимость кардинальной перестройки методологии психологической науки.

Однако большинство этих работ рассматривают кризис психологии как бы «изнутри» самой науки, подвергая критике, прежде всего, ее методологию и те основные парадигмальные установки, на которых она строится. Мы поставили себе задачу рассмотреть этот кризис с другой точки зрения, в не-

сколько более широком контексте – с позиции общего кризиса науки как части западной культуры и западной цивилизации, опираясь при этом на работы таких выдающихся отечественных и зарубежных мыслителей, как Н. А. Бердяев [1], Н. Я. Данилевский [3], А. Тойнби [13], О. Шпенглер [14], К. Ясперс [18] и др.

Прежде всего, определимся с основными понятиями «культура» и «цивилизация», в рамках которых мы собираемся анализировать кризис психологической науки. В соответствующей научной литературе имеется множество различных дефиниций, определяющих указанные понятия, но, поскольку их сравнительный, а тем более критический анализ не является нашей целью, будем придерживаться следующих формулировок, наиболее близких нашему пониманию.

Вслед за Н. А. Бердяевым будем считать, что «Культура связана с культом, она из религиозного культа развивается, она есть результат дифференциации культа, разворачивания его содержания в разные стороны. Философская мысль, научное познание, архитектура, живопись, скульптура, музыка, поэзия, мораль – все заключено органически целостно в церковном культе, в форме, еще не развернутой и не дифференцированной... Всякая культура (даже материальная культура) есть культура духа; *всякая культура имеет духовную основу* (выделено нами. – Г. П.) – она есть продукт творческой работы духа над природными стихиями» [1, с. 166]. Что касается дефиниции цивилизации, мы будем придерживаться следующего определения: *цивилизация – это локализованное во времени и пространстве общество, сформировавшееся под влиянием данной культуры*.

Разделяя подход и определение культуры Н. А. Бердяева, мы полагаем, что в культуре можно выделить две ее стороны (аспекта): духовную и воплощенную, причем вся воплощенная культура – это *результат (продукт) творческих актов человека*. Из этого понимания культуры следует, что в рамках структуры феномена культуры выделяются такие ее составляющие, как (собственно) религия, искусство (в широком смысле этого слова), наука и пр. Нас же в данном случае интересует именно наука (а конкретнее психология) как проявление культуры, по отношению к ней мы и будем проводить наш анализ.

С точки зрения Н. Я. Данилевского, О. Шпенглера, Н. А. Бердяева, культуре противостоит цивилизация. Вот, например, как понимает отношения между культурой и цивилизацией О. Шпенглер: «...у каждой культуры своя собственная цивилизация... Цивилизация есть неизбежная судьба культуры... Они (цивилизации. – Г. П.) – завершение, они следуют как ставшее за

становлением, как смерть за жизнью, как неподвижность за развитием, как умственная старость и окаменевший мировой город за деревней и задушевным детством... Они – неизбежный конец, и тем не менее с внутренней необходимостью к ним всегда приходили» [14, с. 163]. Ему вторит и Н. А. Бердяев, очень точно и емко показывая, как цивилизация уничтожает личность: «Цивилизация, в противоположность культуре, не символична, не иерархична, не органична. Она – реалистична, демократична, механична. Она хочет не символических, а “реалистических” достижений жизни, хочет самой реальной жизни, а не подобий и знаков, не символов иных миров. В цивилизации и в капитализме, как и в социализме, коллективный труд вытесняет индивидуальное творчество. Цивилизация обезличивает. Освобождение личности, которое, как будто бы, цивилизация должна нести с собой, смертельно для личной оригинальности. Личное начало раскрывалось лишь в культуре. Воля к мощи “жизни” уничтожает личность» [1, с. 167]. Из чего следует, что и О. Шпенглер и Н. В. Бердяев признавали цивилизацию роком для всякой культуры, поскольку любая цивилизация всегда заканчивается ее смертью. Здесь, метафорически выражаясь, можно сказать, что «Бог создал культуру, а дьявол – цивилизацию» (однако и то и другое неразрывны и составляют целостность этого мира).

Таким образом, каждая высокоразвитая цивилизация расплывается за свой высокий уровень развития потерей духовности; именно поэтому духовная творческая культура вырождается в то, что сейчас принято называть массовой культурой («масс-культура»). Можно даже предположить, что существует определенная закономерность: *чем выше уровень развития цивилизации, тем большее развитие получает «масс-культура» и тем меньше уровень духовного развития общества*. Нам кажется, что особого подтверждения для этой закономерности не требуется, достаточно чуть внимательнее присмотреться к содержанию самых массовых средств информации – телевидению и интернету. Вот короткое четверостишие Валентина Гафта, очень точно выразившего эту мысль (и состояние всей западной цивилизации):

«Попса дробит шрапнелью наши души,
Ее за это не привлечь к суду,
Часть поколения выросла на чуши,
И новое рождается в бреду...»

Конечно, не надо воспринимать эту закономерность как некий абсолюте. Даже при самом высоком уровне развития цивилизации подлинная высокая культура все равно остается, и в ней будет присутствовать духовность (такова уж природа человека), наверное, именно в этом смысле можно говорить о

том, что подлинное искусство и наука вечны. Но, к сожалению, эта духовность будет разделяться далеко не большинством сообщества.

Вопрос о природе и сущности сознания (и психики) является не только основным философским вопросом, но и одной из главнейших категорий современной психологической науки, задающей всю ее методологическую основу. Кроме того, к категории сознания в последние десятилетия активно обращаются ученые, работающие в области естественных наук. Например, в квантовой физике предпринимаются попытки объяснить вновь открываемые физические феномены с привлечением этой категории, и, наконец, решение этого вопроса кардинально изменило бы ход развития не только общемировой науки, но и всего человечества. Поэтому далеко не праздный интерес представляет анализ возможности решения этого «вечного» вопроса в контексте соотношения понятий «культура» и «цивилизация».

Огромное число различных философских и психологических концепций сознания убедительно показывает: «вечный вопрос» о том, что представляет собой феномен сознания, в современной западной науке не решен, более того – его решение не предвидится и в ближайшем обозримом будущем. Мы не случайно отнесли это высказывание к современной *западной* науке, которая одновременно является неотъемлемой частью и западной культуры, и западной цивилизации, поскольку любые попытки построить ту или иную концепцию сознания неизбежно должны учитывать культуру и соответствующую ей цивилизацию, в которых она (концепция) должна найти свое место, свое признание. В ней, так или иначе, должны быть отражены и отношение к духовному миру, и традиционные взгляды на человека, природу и общество, принятые в данной культуре.

Подчеркнем, все это действительно так, если мы говорим о науке как неотъемлемой части *культуры*. Однако каждая культура посредством творческих актов, воплощая себя в своих научных продуктах, порождает свою цивилизацию, и по отношению к ней эти продукты культуры могут отвергаться, если, во-первых, они не имеют для нее прямого утилитарного значения; во-вторых, когда они представляют угрозу существованию или развитию цивилизации. Например, нам кажется, что цивилизация и религия являются своего рода «антагонистами» в том плане, что цивилизацию больше интересует материальная сторона продуктов культуры, а религию – их духовный аспект, что далеко не всегда совместимо. В-третьих, продукты науки могут отвергаться, если они по своему значению далеко превосходят данный уровень развития цивилизации. В последнем случае в качестве примера можно

вспомнить хотя бы великие открытия гениальных людей, так и не понятых современниками. Поэтому те или иные концепции сознания, являясь порождением культуры, вовсе не обязательно должны приниматься соответствующей ей цивилизацией. Н. А. Бердяев, в частности, отмечал, что «...умирает великая европейская культура и торжествует европейская цивилизация, бездушная и безбожная... Лучшие люди Запада ощущали эту смертельную тоску от торжества маммонизма в старой Европе, от смерти духовной культуры – священной и символической – в бездушной технической цивилизации» [1, с. 162].

Возникает проблема, если феномен сознания нельзя понять и объяснить с позиции западной научной мысли, может быть, для его объяснения надо привлечь философскую мысль востока (как, например, это пытаются делать некоторые современные физики [15])?

Не подлежит сомнению, писал Н. И. Конрад, что «...современная мировая наука во всех отраслях зиждется на основах, созданных наукою в странах Европы в последние столетия... Передовой характер европейской науки этих веков есть отражение общего исторического прогресса в этих странах, выведшего их в эти столетия на передний план общественно-исторического развития человечества в целом. Поэтому вполне естественно, что физика в настоящее время есть та физика, которая начала формироваться в новое время в Европе... Именно поэтому исследователи в странах Запада работают в плане европейской науки: всякий настоящий исследователь должен опираться на наиболее высокий уровень в своей науке. Вполне понятно, что так поступают и ученые современного Востока, тем более что многие из них и прямо получили свою научную подготовку в университетах Запада. Разумеется, невозможно даже представить себе, чтобы наука в дальнейшем сошла с этого пути. Это невозможно уже потому, что наука в настоящее время – явление мировое и как *продукт* (выделено нами. – Г. П.) общей деятельности ученых всех цивилизованных народов, и как общее для всех них достояние. Наука в какой-либо области может бороться с одним и биться за другое: идеалы могут быть различны, но борьба за них ведется на основе общепризнанных научных положений, а если и выдвигаются новые, то на уровне, достигнутом данной наукой вообще» [4, с. 26–27].

Нельзя не согласиться с приведенной выше цитатой в целом, однако, на наш взгляд, здесь упущен ряд весьма важных моментов. Первый заключается в том, что современная наука так и осталась, прежде всего, западной наукой, а точнее сказать, американской наукой, с порожденной ею цивилизацией. В качестве подтверждения можно привести выска-

звание А. С. Кармина, который в предисловии к монографии Д. Мацумото «Психология и культура» пишет о том, что «...основная масса данных, на которых строятся теоретические обобщения в современной психологии, добыта путем исследований, проведенных американскими и европейскими психологами, причем объектом этих исследований были жители стран Запада – главным образом, студенты университетов, и чаще всего американских. Являются ли психологические концепции, созданные представителями современной западной культуры на основе изучения мышления и поведения представителей современной западной культуры, универсальными для всех культур, в масштабах всего человечества? Можно ли считать выводы, полученные на столь “однобокой” выборке, справедливыми для всей генеральной совокупности, то есть всего населения Земли? Не являются ли они в какой-то части (и в какой именно) специфичными для той культуры, в рамках которой родились? И, может быть, современная психология есть лишь психология людей западного мира или еще уже – американского студенчества?» [12, с. 9]. Отметим, что вопросы, поставленные здесь, далеко не праздные и ответы на них могут существенно изменить взгляд на мировую науку, в том числе и на психологию.

Второй момент касается одного из главных факторов, создающих проблемы сближения восточной и западной общенаучной (философской) мысли. Действительно, научный продукт создается совместными усилиями как западных, так и восточных ученых, однако осмысление этого продукта, попытки найти объяснение и применение вновь открываемым феноменам упираются в ту парадигму мироустройства, которая доминирует в *западной цивилизации*. И здесь не имеет значения, принимали ли участие в создании этих продуктов ученые восточных стран, поскольку, как совершенно правильно было отмечено выше, образование они получали в основном в университетах запада. Более того, как показывает исторический анализ, к нестандартным интерпретациям, существенно отличающимся от принятых парадигм вновь отрываемых научных феноменов склонны также и ученые запада, но только в том случае, если они были знакомы и разделяли культуру и мировоззрение востока. Однако, как правило, такие новые парадигмы, взятые из другой культуры, так и не принимаются большинством научного сообщества. Увы, Н. В. Бердяев опять оказывается прав, говоря о том, что «устремленность людей Запада к былым культурным эпохам или экзотическим культурам Востока означает восстание духа против окончательного перехода культуры в цивилизацию, но восстание слишком

утонченного, упадочного, ослабленного духа» [1, с. 163].

Подчеркнем особо, что мы не ведем здесь разговора о противостоянии западной и восточной культур. При внимательном анализе в своей первооснове эти культуры имеют много общего, а противостоят именно цивилизации, мировоззрения западного и восточного общества.

В. В. Налимов, цитируя Г. Сколимовски, справедливо подчеркивает, что в любой культуре существует единство между концепциями *реальности, познания, разума* и представлением о *предельной реальности*. «Соотношение этих четырех (или хотя бы трех) реальностей создает стержень развития культуры. Отчетливо сформулированное представление об этом соотношении делает возможным ответы на фундаментальные вопросы существования: (1) Что есть личность; (2) Как возможно познание; (3) Каков смысл жизни; (4) Что есть процесс жизни-смерти» [9, с. 127], естественно, что к этим же вопросам относится и вопрос о том, что есть сознание.

Поставленные вопросы, безусловно, важны для любой культуры, и каждая культура, так или иначе, дает свои ответы на эти вопросы, поскольку в них заложен поиск человеком вечных ценностей. Но так ли важны эти вопросы для цивилизации? Пожалуй, ответ очевиден: для любой цивилизации совершенно не важно то, что не имеет материального, утилитарного значения, из чего, в ближайшей перспективе нельзя извлечь практической выгоды. Ценности культуры и ценности цивилизации, ей соответствующей, как правило, не совпадают, поэтому каждая культура в своем проявлении сталкивается с определенным набором ограничений, который задает соответствующая ей цивилизация. Эти ограничения в современной европейской культуре находят свое проявление в доминировании тех (материалистических) парадигм, которые тормозят развитие науки вообще и психологии в частности. Как отмечает Э. Ласло, «трудности, с которыми столкнулось в настоящее время человечество, не могут быть легко и просто преодолены технологическими средствами. Чего бы мы ни коснулись, будь то рост населения, урбанизация, уничтожение окружающей среды, ситуация остается одной и той же: путь, по которому мы следуем, ведет в пропасть. Современные практики не обеспечивают устойчивого развития. Возможно, *нам следует подумать об изменении наших ценностей и стимулов* (выделено нами. – Г. П.), а не об отыскании новых путей и способов, которые привели бы природу в согласие с ними» [5, с. 35].

Изначально любая наука проявляется как духовное стремление к познанию, как творческий акт,

как акт культуры, однако именно цивилизация потом разрушает науку, ориентируя ее на прагматизм и превращая ее открытия в утилитарные продукты. Кризис науки как акта культуры, как творческого акта под воздействием цивилизации хорошо раскрыт К. Ясперсом, который писал, что «Наука и сегодня создает много замечательного... Однако ни бурное продвижение естественных наук, ни расширение материала гуманитарных наук не могло предотвратить роста сомнения по отношению к науке. *Естественные науки лишены целостности созерцания* (выделено нами. – Г. П.); несмотря на их значительное единство, их основные идеи действуют сегодня скорее, как рецепты, которые пробуют применять, чем как окончательно достигнутая истина. *Гуманитарные науки лишены этоса гуманитарного образования...* Кризис науки состоит, следовательно, не в границах их умения, а в сознании их смысла... Там, где знание, лишенное целостного мировоззрения, лишь правильно, оно ценится по своей технической пригодности» [18, с. 57–58].

Далее К. Ясперс указывает на основные причины, приводящие науку к кризису: «*Причины этого кризиса, отчасти становятся понятны из развития самой науки. ... Не имманентное развитие науки в достаточной мере объясняет кризис, а лишь человек, которого затрагивает научная ситуация.* Не наука сама по себе, а он сам в ней находится в состоянии кризиса. Историко-социологическая причина этого кризиса заключена в массовом существовании. Факт превращения свободного исследования отдельных людей в научное предприятие привел к тому, что каждый считает себя способным в нем участвовать, если только он обладает рассудком и прилежанием. *Возникает слой плебеев от науки;* они создают в своих работах пустые аналогии, выдавая себя за исследователей, приводят любые установления, подсчеты, описания и объявляют их эмпирической наукой. Бесконечность принятых точек зрения, в результате чего все чаще люди друг друга не понимают, – лишь следствие того, что каждый безответственно смеет высказывать свое мнение, которое он вымучил, чтобы также иметь значение... Результатом всего этого является сознание бессмысленности... Там, где в науке еще сохраняется континуум продолжающегося открытия, она часто возможна только посредством критерия *технического подтверждения* своей значимости, ибо *изначальное желание знать больше не является целью...* Кризис науки – это кризис людей, который охватил их, когда они утратили подлинность безусловного желания знать» [Там же].

Сказанное выше имеет отношение к любой современной науке, и в наивысшей степени к психоло-

гии с ее методологическим кризисом. Психология в своем историческом развитии вплоть до начала XXI в. прошла путь от «звена в мыслимом строении существования», предлагая на основе метафизических принципов и наглядных примеров схемы элементов и душевных сил, до «собрания физиологических и психологических утверждений», необходимых для соединения теорий, обосновывающих сознательные и бессознательные процессы, а анализ психологических фактов, их понимание и объяснение стало уделом художественной литературы» [18].

Таким образом, перманентный кризис психологии является составной частью кризиса общемировой науки. Однако, несмотря на неблагоприятное влияние цивилизации на развитие психологии, преодоление кризиса возможно, при условии пересмотра ее методологических основ, а главным образом – при кардинальной смене ее основной парадигмы и предмета. В связи с этим возникают далеко не риторические вопросы: в каком направлении должна развиваться психология и, соответственно, какая новая парадигма должна быть положена в ее основу, каков должен быть предмет психологии? Естественно, что сейчас мы не можем дать четкие ответы на эти вопросы (в настоящий момент, наверное, этого не смог бы сделать никто из психологов или философов), хотя уже имеющиеся публикации, касающиеся методологии психологии, позволяют наметить возможные пути, на которых можно было бы найти ответы на поставленные вопросы.

Обстоятельный анализ методологического кризиса в психологии дан в работе В. А. Мазилова [6], в которой, в частности, предлагается в качестве главного предмета психологии сделать «психическое» (в понимании К. Юнга). В. И. Слободчиков и Е. И. Исаев также показывают несостоятельность классической интерпретации психики, сводящей ее либо к механизму отражения объективной, противостоящей человеку реальности, либо к механизму адаптации индивида к объективному миру. Критике подвергаются такие доминирующие в психологии основные парадигмальные установки о сущности человеческой психики, как натурализм, социоморфизм и гносеологизм. В качестве альтернативы материалистической парадигмы авторы статьи рассматривают особую парадигму – культурализм, поскольку «культуральная точка зрения на сущность человеческой психики и ее развитие состоит в принципиальном преодолении базовых схем вышеобозначенных парадигм: не существует прямого и непосредственного соотношения «человек – природа», «человек – общество» [10, с. 9].

Понятийный строй этой парадигмы прописывается соотношением «человек – культура», и человек усваивает определенные канонические формы дан-

ной культуры через систему ценностей, присущих ей. Однако, «чтобы они раскрылись в своем истинном содержании, чтобы оказалось возможным приобщение к ним, всегда необходим посредник, тот или иной тип медиатора, в качестве которого может выступить *знак, слово, символ, миф* (выделено нами. – Г. П.) и др. Именно через них происходит кардинальное преобразование так называемых натуральных (наличных, реальных) психических (шире соматоорганических) форм в идеальные (культурные, высшие), собственно, человеческие способности» [10, с. 9].

О преобразовании культуры в мир личности также говорил В. И. Налимов, рассматривая личность, прежде всего, как носителя смыслов, показывая ее языковую (семантическую) природу [9]. Д. Мацумото предлагает в качестве альтернативной научной парадигмы этнокультурную психологию, в рамках которой субъективные человеческие качества и проявляющиеся свойства культуры признаются центральными элементами [12]. Уикол Ким пишет о том, что «основная проблема психологии и кросс-культурной психологии состоит в том, что предмет данной дисциплины оказался в зависимости от ложных представлений о науке. Мы должны признать, что предмет психологии отличен от предмета химии, физики и биологии, и мы должны создавать науку, которая приемлема для психологии» [12, с. 56].

Работы, приведенные выше, являются еще одним подтверждением того, что при определении дальнейшего пути развития психологии, разработке новой ее методологии и предмета необходимо учитывать, что она (психологическая наука) является неотъемлемой частью культуры и цивилизации. Хотелось бы подчеркнуть, что факт принадлежности психологии культуре надо не просто декларировать (как достаточно тривиальный), но именно учитывать его при создании новой методологии.

Можно найти еще немало как отечественных, так и зарубежных ученых-психологов, разделяющих приведенные выше взгляды, причем это касается не только психологии. Жесткая приверженность материализму, позитивистская ориентация науки в целом находят все большую критику со стороны научного сообщества.

В. И. Слободчиков и Е. И. Исаев говорят о том, что «...психология должна иметь (или строить) собственное представление о сущности человека, чтобы мочь что-то сказать о его свойствах, в том числе и о психических. Но именно этого психология и не делает, оставляя вопрос о сущности в лучшем случае какой-либо из модных философий, а в худшем – господствующей идеологии» [10, с. 5]. Созвучную мысль выдвигает и К. Ясперс: «Не оказалось исследователя, который в путанице учений и

фактов, мировоззренческих импульсов и объективного исследования, описаний процесса сознания и спекуляций о бессознательном, в психологии, лишенной души и призраков души, разрешил бы эту путаницу и поставил бы все доступное знанию во внутреннюю связь, методически разграничив эмпирическое, объективно обязательное и относительное» [18, с. 64].

Соглашаясь с взглядом В. И. Слободчикова и Е. И. Исаева и разделяя в целом оценку психологии данную К. Ясперсом, мы, однако, считаем, что такой исследователь был, и это был К. Г. Юнг (по непонятным для нас причинам, непонятый и недооцененный его современником К. Ясперсом).

Практически все цитированные нами авторы, так или иначе, указывали на то, что всякая культура имеет духовную основу, зафиксированную, прежде всего, в виде знаков, слов, символов, мифов или смыслов (по В. Н. Налимову [8]), которые являются своего рода источниками формирования психики человека, его субъективности. Именно через них каждый человек приобщается к «в высшей степени сложной совокупности общественно-исторических норм и ценностей человеческого общежития, фиксированных в живых образах культуры в произведениях, традициях, ритуалах, обычаях» [10, с. 9].

Но весь этот (непроявленный) культурный слой, созданный всеми существовавшими ранее культурами человека, и составляет как раз то, что К. Юнг называл «коллективным бессознательным». Он писал: «...коллективное бессознательное, насколько мы вообще можем что-то сказать о нем, – состоит из мифологических мотивов или изначальных образов, и потому мифы всех народов являют собой его подлинные образцы. Фактически, мифологию в целом можно было бы считать своего рода проекцией коллективного бессознательного» [17, с. 49]. Не следует, однако, отождествлять коллективное бессознательное с культурой, К. Юнг подчеркивал, что коллективное бессознательное – значительно более широкое понятие, чем культура, в частности, он писал, что «бессознательное как совокупность всех архетипов является хранилищем всего человеческого опыта, восходящего к его самым отдаленным истокам. Но это отнюдь не мертвые залежи, наподобие заброшенной кучи хлама, а живая, активная система реакций и диспозиций, определяющая жизнь индивидуума незаметным, а значит и более эффективным образом» [17, с. 54].

Разрабатывая систему новой психологии, следует обратить внимание на приведенную выше цитату Г. Сколимовски, в которой, на наш взгляд, по существу, намечена структура новой психологии, показано то, что должна изучать психология, при условии, однако, что в качестве своего *базового предмета* изучения она имеет *категорию «психическо-*

го». Следует уточнить, что под категорией «психическое» мы понимаем интегративную целостность коллективного и личностного бессознательного и собственно феномен сознания, причем «психическое» имеет полевую природу. Такое понимание «психического» содержит в себе принципиально новую парадигму психологической науки.

Итак, согласно Г. Сколимовски, *основными субкатегориями* новой психологии могут стать представление о предельной реальности, реальность, разум и познание. Насколько это возможно на этапе постановки задач, выскажем некоторые соображения относительно представленных субкатегорий. Рассмотрим их в порядке предполагаемой нами важности.

«Представление о предельной реальности». Собственно, это вопрос о природе сознания, его видах, функциях, о соотношении сознания и коллективного бессознательного. Именно в этой субкатегории должна найти свое подтверждение принципиально новая парадигма современной научной психологии, причем новое представление о «предельной реальности» невозможно будет сформировать, не решив проблему создания нового языка психологии (ее нового тезауруса).

«Реальность». Это вопрос о том, что такое «реальность» и как она соотносится с «субъективностью». С принятием новой парадигмы понятие «субъективность» уже нельзя сводить только к простой апперцепции, понимаемой как влияние биологических и социальных факторов на процессы формирования восприятия в онтогенезе ребенка. Оно приобретает более глубокий смысл и имеет прямое отношение к вопросу о том, что должна исследовать психологическая наука. В том числе понятие «субъективности» самым тесным образом связано с понятием «психологического факта» [7], которое не всегда совпадает с понятием «факта», принятым в физических и естественных науках.

«Разум». Вопрос о мышлении и его связи с бессознательным и сознанием. Как справедливо отмечал В. В. Налимов [8], возможно, что механизм, глубинного – аналогового – мышления носит не столько мозговой, сколько общесоматический характер. Человек в каком-то глубоком смысле мыслит всем своим телом.

«Познание». Его отношение к субъективности и мышлению (в том числе и с учетом полевого характера психического).

К первоочередным задачам новой психологии можно отнести поиск ответов на вопросы (опять же в порядке представляющейся нам иерархии):

– раскрытие смысла жизни (как в онтогенетическом аспекте, так и с точки зрения особой парадигмальной установки в психологии человека о теологизме, понятийный строй которого раскрыва-

ется в соотношении «человек – Божество» [10, с. 10]);

– изучение процесса жизни-смерти (что, собственно, представляет собой феномен «смерти» с психологической точки зрения); то, что исследуется уже существующей психологической дисциплиной – танатологией (которая, однако, с нашей точки зрения, находится в «зачаточном» состоянии и сама требует глубокого переосмысления);

– что есть личность в парадигме культурализма (показать, как через преобразование ценностей осуществляется процесс восхождения – от «субъекта деятельности» к «субъекту жизнедеятельности» и далее к формированию «субъекта духовного развития», поскольку это и есть та конечная всеобъемлющая ипостась, к которой должна стремиться каждая личность [11]);

– изучение феномена «веры» именно как всеобъемлющего психологического явления, сопровождающего человека на протяжении всей его жизни.

Существует еще один важный момент, на котором хотелось бы остановиться. На протяжении всей этой работы мы были вынуждены говорить о «новой психологии», и здесь нельзя не вспомнить о том, как по поводу академической психологии высказался С. Л. Франк еще в начале XX в. Он писал, что «Прекрасное обозначение «психология» – учение о душе – было просто незаконно похищено и использовано как титул для совсем иной научной области; оно похищено так основательно, что когда теперь размышляешь о природе души, о мире внутренней реальности человеческой жизни, как таковой, то занимаешься делом, которому суждено оставаться безымянным или для которого надо придумать какое-нибудь новое обозначение» [16, с. 8].

В связи с этим можно было бы предложить вернуться к старому понятию, предложенному еще З. Фрейдом в начале XX в. и получившему дальнейшее применение в рамках достаточно специфического направления – психоанализа. Это понятие «Метапсихология». Не вдаваясь в подробный теоретический анализ этого термина, сошлемся лишь на цитату Р. Р. Гринсона, в которой он характеризует его следующим образом: «Понятие *психоаналитической метапсихологии* (выделено нами. – Г. П.) относится к тому минимальному количеству допущений, на которых базируется система психоаналитической теории... Метапсихологические писания Фрейда не являются полными и систематическими и разбросаны по его работам» [2, с. 25].

Для того чтобы не было смешения понятий и возможности использования его в более широком контексте, можно было бы новую психологическую дисциплину назвать «Общая метапсихология»,

вкладывая в нее примерно (!) тот же смысл, в каком употребляется термин «Метафизика» (и к которому, кстати говоря, в последнее время все больше обращаются представители разных наук: философы, физики, психологи и др.).

Может показаться странным отсутствие в структуре «Общей метапсихологии» категории «Душа», однако если учесть ее «невыразимость» в рамках каких-то общеизвестных, общепринятых понятий, станет ясно, что приблизиться к ее пониманию можно, только определившись с представленными субкатегориями и задачами. Понимание Души должно стать, кульминацией, апофеозом, главной целью новой науки – общей метапсихологии.

Безусловно, здесь дан далеко не полный перечень категорий и задач, отвечающий новой парадигме в психологии. В последующем он может быть существенно дополнен и переработан, однако, как говорят, это дело будущих исследователей.

Библиографический список

1. Бердяев, Н. А. Смысл истории [Текст] / Н. А. Бердяев. – М. : Мысль, 1990. – 173 с.
2. Гринсон, Ральф Р. Техника и практика психоанализа [Текст] / Ральф Р. Гринсон. – Воронеж : НПО «МОДЭК», 1994. – 491 с.
3. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа. [Электронный ресурс] / Н. Я. Данилевский. – Режим доступа: <http://monarhiya.narod.ru/DNY/dny-list.htm>
4. Конрад, Н. И. Запад и Восток. Статьи [Текст] / Н. И. Конрад. – М. : Главная редакция восточной литературы, 1966. – 520 с.
5. Ласло, Э. Век бифуркации. Постигание изменяющегося мира [Текст] / Э. Ласло. – М., 1995. – С. 130.
6. Мазиллов, В. А. Стены и мосты: методология психологической науки [Текст] : монография / В. А. Мазиллов. – Ижевск : ERGO, 2015. – 196 с.
7. Мазиллов, В. А. К разработке концепции психологического факта [Текст] / В. А. Мазиллов // Вестн. Удмурдск. гос. ун-та. Сер. Философия. Психология. Педагогика. – 2015. – № 4. – Т. 25. – С. 45–54.
8. Налимов, В. В. Вероятностная модель языка. О соотношении естественных и искусственных языков. 2-е изд., перераб. и доп. [Текст] / В. В. Налимов. – М. : Наука, 1979. – 303 с.
9. Налимов, В. В. Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности [Текст] / В. В. Налимов. – Изд. 3-е. – М. : Академический проект; Парадигма, 2011. – 399 с.
10. Слободчиков, В. И., Исаев, Е. И. Антропологический принцип в психологии развития [Текст] / В. И. Слободчиков, Е. И. Исаев // Вопросы психологии. – 1998. – № 6. – С. 3–17.
11. Прыгин, Г. С. О понятиях «субъект деятельности» и «субъект жизнедеятельности» с позиции субъектной регуляции [Текст] / Г. С. Прыгин // Человек,

субъект, личность в современной психологии : материалы Международной конференции, посвященной 80-летию А. В. Брушлинского : в 3-х томах ; отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. – М. : Институт психологии РАН, 2013. – 502 с. – Том 1. – С. 156–159.

12. Психология и культура [Текст] / под ред. Д. Мацумото. – СПб. : Питер, 2003. – 718 с.

13. Тойнби, А. Дж. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад [Текст] / А. Дж. Тойнби ; пер. с англ. – М. : АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2011. – 318 с.

14. Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность [Текст] / О. Шпенглер. – М. : Мысль, 1998. – 663 с.

15. Шредингер, Эрвин. Мой взгляд на мир [Текст] / Эрвин Шредингер ; пер. с нем. – Изд. 2-е. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 152 с.

16. Франк, С. Л. Реальность и человек [Текст] / сост. П. В. Алексеев ; прим. Р. К. Медведевой / С. Л. Франк. – М. : Республика, 1997. – 479 с.

17. Юнг, К. Г. Сознание и бессознательное: Сборник [Текст] / пер. с англ. ; К. Г. Юнг. – СПб. : Университетская книга, 1997. – 544 с.

18. Ясперс, К. Смысл и назначение истории [Текст] / К. Ясперс. – М. : Политиздат, 1991. – 527 с.

Bibliograficheskij spisok

1. Berdjaev, N. A. Smysl istorii [Tekst] / N. A. Berdjaev. – M. : Mysl', 1990. – 173 s.
2. Grinson, Ral'f R. Tehnika i praktika psihoanaliza [Tekst] / Ral'f R. Grinson. – Voronezh : NPO «MODJEK», 1994. – 491 s.
3. Danilevskij, N. Ja. Rossija i Evropa. [Jelektronnyj resurs] / N. Ja. Danilevskij. – Rezhim dostupa: <http://monarhiya.narod.ru/DNY/dny-list.htm>
4. Konrad, N. I. Zapad i Vostok. Stat'i [Tekst] / N. I. Konrad. – M. : Glavnaja redakcija vostochnoj literatury, 1966. – 520 s.
5. Laslo, Je. Vek bifurkacii. Postizhenie izmenjajushhegosja mira [Tekst] / Je. Laslo. – M., 1995. – S. 130.
6. Mazilov, V. A. Steny i mosty: metodologija psihologicheskogo nauki [Tekst] : monografija / V. A. Mazilov. – Izhevsk : ERGO, 2015. – 196 s.
7. Mazilov, V. A. K razrabotke koncepcii psihologicheskogo fakta [Tekst] / V. A. Mazilov // Vestn. Udmurds. gos. un-ta. Ser. Filosofija. Psihologija. Pedagogika. – 2015. – № 4. – T. 25. – S. 45–54.
8. Nalimov, V. V. Verojatnostnaja model' jazyka. O sootnoshenii estestvennyh i iskusstvennyh jazykov. 2-e izd., pererab. i dop. [Tekst] / V. V. Nalimov. – M. : Nauka, 1979. – 303 s.
9. Nalimov, V. V. Spontannost' soznanija. Verojatnostnaja teorija smyslov i smyslovaja arhitektonika lichnosti [Tekst] / V. V. Nalimov. – Izd. 3-e. – M. : Akademieskij proekt; Paradigma, 2011. – 399 s.
10. Slobodchikov, V. I., Isaev, E. I. Antropologicheskij princip v psihologii razvitiya [Tekst] / V. I. Slo-

bodchikov, E. I. Isaev // *Voprosy psihologii*. – 1998. – № 6. – S. 3–17.

11. Prygin, G. S. O ponjatijah «sub#ekt dejatel'nosti» i «sub#ekt zhiznedejatel'nosti» s pozicii sub#ektnoj reguljacji [Tekst] / G. S. Prygin // *Chelovek, sub#ekt, lichnost' v sovremennoj psihologii: materialy Mezhdunarodnoj konferencii, posvjashhennoj 80-letiju A. V. Brushlinskogo: v 3-h tomah; otv. red. A. L. Zhuravlev, E. A. Sergienko*. – M.: Institut psihologii RAN, 2013. – 502 s. – Tom 1. – S. 156–159.

12. Psihologija i kul'tura [Tekst] / pod red. D. Macumoto. – SPb.: Piter, 2003. – 718 s.

13. Tojnbi, A. Dzh. *Civilizacija pered sudom istorii. Mir i Zapad* [Tekst] / A. Dzh. Tojnbi; per. s angl. – M.: ACT: Astrel'; Vladimir: VKT, 2011. – 318 s.

14. Shpengler, O. Zakat Evropy. *Ocherki morfologii mirovoj istorii. 1. Geshtal't i dejstvitel'nost'* [Tekst] / O. Shpengler. – M.: Mysl', 1998. – 663 s.

15. Shredinger, Jervin. *Moj vzgljad na mir* [Tekst] / Jervin Shredinger; per. s nem. – Izd. 2-e. – M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2009. – 152 s.

16. Frank, S. L. *Real'nost' i chelovek* [Tekst] / sost. P. V. Alekseev; prim. R. K. Medvedevoj / S. L. Frank. – M.: Respublika, 1997. – 479 s.

17. Jung, K. G. *Soznanie i bessoznatel'noe: Sbornik* [Tekst] / per. s angl.; K. G. Jung. – SPb.: Universitetskaja kniga, 1997. – 544 s.

18. Jaspers, K. *Smysl i naznachenie istorii* [Tekst] / K. Jaspers. – M.: Politizdat, 1991. – 527 s.

Reference List

1. Berdyaev N. A. *Essence of history*. – M.: Mysl, 1990. – 173 p.

2. Grinson Ralf R. *Technology and practice of psychoanalysis*. – Voronezh: NPO «MODEK», 1994. – 491 p.

3. Danilevsky N. Ya. *Russia and Europe*. [Electronic resource]. – Access mode: <http://monarhiya.narod.ru/DNY/dny-list.htm>

4. Berdyaev N. I. *West and East. Articles*. – M.: Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury, 1966. – 520 p.

5. László E. *Century of bifurcation. Comprehension of the changing world*. – M., 1995. – P. 130.

6. Mazilov V. A. *Walls and bridges: methodology of psychological science: monograph*. – Izhevsk: ERGO, 2015. – 196 p.

7. Mazilov V. A. *To development of the concept of the psychological fact* // *Bulletin of Udmurtia state university. A series Philosophy. Psychology. Pedagogics*. – 2015. – № 4. – V. 25. – P. 45–54.

8. Nalimov V. V. *Probabilistic model of language. About a ratio of natural and artificial languages*. 2nd edition, redrafted and added. – M.: Nauka, 1979. – 303 p.

9. Nalimov V. V. *Spontaneity of consciousness. Probabilistic theory of meanings and semantic architectonics of the personality*. – the 3rd edition. – M.: Academichecky proekt; Paradigma, 2011. – 399 p.

10. Slobodchikov V. I., Isaev E. I. *The anthropological principle in development psychology* // *Psychology Questions*. – 1998. – № 6. – P. 3–17.

11. Prygin G. S. *On concepts «subject of activity» and «subject of life activity» from a position of subject regulation // the Person, the subject, the personality in modern psychology: materials of the International conference devoted the 80-anniversary of A. V. Brushlinsky: in 3 volumes; editor-in-chief A. L. Zhuravlev, E. A. Sergienko*. – M.: Institute of psychology of RAS, 2013. – 502 p. – Volume 1. – P. 156–159.

12. *Psychology and culture / under the editorship of D. Matsumoto*. – SPb.: Piter, 2003. – 718 p.

13. Toynbee A. J. *Civilization on the stand of history. World and West; translated from English* – M.: ACT: Astrel; Vladimir: VKT, 2011. – 318 p.

14. Spengler O. *Decline of Europe. Essays on morphology of world history. 1. Gestalt and reality*. – M.: Mysl, 1998. – 663 p.

15. Schrödinger Ervin. *My view of the world; translated from German*. – the 2nd edition – M.: Book house of «LIBROKOM», 2009. – 152 p.

16. Frank S. L. *Reality and person / author P. V. Alekseev; comments of R. K. Medvedeva*. – M.: Respublika, 1997. – 479 p.

17. Jung K. G. *Consciousness and unconscious: The collection / translated from English; K. G. Jung*. – SPb.: Universitetskaja kniga, 1997. – 544 p.

18. Jaspers K. *Sense and purpose of history*. – M.: Politizdat, 1991. – 527 p.